

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Хлеба прошу не вдосталь –
Просьба моя ина:
Я попрошу тебя, Господи,
Чтобы ушла война...

Пусть лягут травы росные
Под остриём косы.
Я умоляю, Господи,
Пусть возвратится сын...

Петенька, месяц мой ясный,
Свет долгожданный мой...
Только б война не лязгнула
Над белокурой главой.

Только б затихли залпы.
Здесь, на краю весны,
Что-то случится завтра:
Вижу плохие сны.

Будто бегу по погосту,
Следом – фашисты-псы...
Я заклинаю, Господи,
Пусть возвратится сын!

В домике так одиноко
Без моего сорванца.
Где же ты, мой синеокий?
Что ж ты не шлешь письмеца?...»

Шёпот её стихает,
Падают две слезы.
Только одно витает:
«Пусть возвратится сын...»

Плачет уставшая до смерти
Мать в апрельскую ночь.
Только не может Господи
Ей уж ничем помочь...

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Месяц июнь. Малая родина.
Утро. Луч солнца встречает меня.
Чёрные родинки чёрной смородины.
Домик. Мосточек. Речка Иня.

Всё как всегда. Только, сердце, куда же ты
Рвёшься на свет из усталой груди?
Всё, что сберёг, всё, что было мной нажито,
Всё, что до срока держал взаперти,
Разом нахлынуло!

Сдержишь ли слёзы?..
Повременю. Постояю у воды.
И поцелую у белой берёзы
Чёрные шрамы прошедшей беды.

ДЯДЯ САША

Дядя Саша выпить был совсем не прочь,
Лишь один в году он праздник признавал:
День Победы! Он с отцом гулял всю ночь,
А под утро уходил на сеновал...

Дядя Саша знал Смоленск и Сталинград,
В Кёнигсберге вёл за каждый дом бои...
«Что, Иван, пойдём-ка завтра на парад?
Пусть племяш почистит цацки-то мои!

Двадцать лет Победе нынче, брат! Ура!
Наливай по полной! Выпьем за судьбу!..
Вася! Чунь возьми и шаркни пару раз
Все медальки да и орден не забудь!»

Боже мой! Вот радость-то! Я рад!
«Беломора» дым струится по избе...
А в шкатулке была дюжина наград:
«За отвагу»,
«За Берлин»,
«За Кёнигсберг».

«Эх, дороги!...» – дядя Саша запевал,
Уносился в песне дальне-далеко...
Приходил сосед наш старый Епифан,
Приносил в бутылке мутный самогон.

Дядя Саша – бравый воин, ветеран!
Я, малец, к нему с расспросами не лез.
Старый чунь почти до дырок я стирал,
Чтоб сиял медалей звонких чудный блеск!

Дядя Саша леденцы мне покупал
(«Золотая рыбка» – баночка была).
Эскимо сластило счастьем на губах,
И рассветный луч над Родиной пылал!

ЗАПАХ СИРЕНИ

Я окунусь в довоенное лето...
Ночное! Купанье лошадак.
А вечер – устроит дебош! – фиолетов,
Будет столбы расшатывать.

Будет расшатывать – во дела! –
Мир лазаретный и белый.
И кони мои, закусив удила,
Понесут меня в хлопьях пены

Туда, где черёмухи цвет, холода,
Где юность беспечная наша,
Где голова не в бинтах – золота!
Не контужена – бесшабашна!

...А где-то в Москве, рядом с метро,
Живёт моя девушка Юля.
Но поднимает фаустпатрон
Мальчишка из гитлерюгенд.

Юля в 6:30 идёт на завод,
Победу трудом приближая.
Я хрипло шепчу ей: «Родная...» Зову.
Она же – как будто чужая.

В глазах её – боль. Надежда. Испуг.
В глазах её – солнце июня.
Но ухмыльнётся и дёрнет спуск
Мальчишка из гитлерюгенд...

Я окунусь в довоенные сны:
Мама печёт оладьи...

Запах сирени победной весны
Ветер принёс в палату.

МОЙ ДЕД, ВОЙНА, ЛОВЛЯ РЫБЫ И Я

«Сорвался подлещик! Опять мимо кассы!
О! Был он огромен, серебрян! Красив!»
Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Напрасно его я об этом просил.

Он, щурясь, дерябнув стакан «Солнцедара»,
Глядел на осоку, кувшинки и плот...
В крови захлебнулась Вторая ударная,
Увязнув в трясине Синяевских болот...

«Ни шагу назад!» – нам Ставкой приказано! –
Прикажет комбат. – Пробивайся к реке!»
...Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Чинарик свой спрятав в разбитой руке.

...А рыбы плескались, крутили кадрили,
И всё тяжелел наш огромный кукан!
Шептал дед, настойкой кедровой взбодрившись:
«Васяка! О, знатная будет уха!»

От дыма я корчил смешные гримасы
И дул во всю грудь на притихший костёр...
Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Он вздрагивал нервно от слова «котёл».
Мне дед говорил: «Не поставлена точка
В той страшной войне, покуда я жив!»
За нож он хватался, услышав: «Deutsche»,
«Deutschland»,
И в телик плевал, видя Гитлера: «Пшик!»

